

Глава 5

Перед закрытием фабрики петард на праздники полагалось полностью выплатить жалованье. Когда Шэнь Яньчжоу подошёл к конторе, очередь уже растянулась на добрый десяток метров.

Прождав около получаса, он наконец оказался у заветного окошка.

Бухгалтер Лао Чжан протянул ему три стопки купюр и конверт.

— Сяо Шэнь, пересчитай хорошенько. Семьдесят — оклад, двадцать — за десять дней сверхурочных, сто девяносто — надбавка за вредность. Итого — двести восемьдесят.

Это была обязательная процедура: когда дело касалось денег, следовало всё прояснить на месте, чтобы потом ни у кого не возникло претензий.

Шэнь Яньчжоу на глазах у бухгалтера пересчитал наличность. Убедившись, что всё верно, он убрал средства в конверт и спрятал его во внутренний карман.

— Всё правильно, спасибо, дядя Чжан.

Выйдя за ворота фабрики, он увидел, что солнце уже клонилось к горным пикам. Стылый ветер, веявший с вершин, казалось, пробирался в самую суть костей. Молодой человек ускорил шаг. Но стоило ему толкнуть выцветшую деревянную калитку своего двора, как он замер, и уголки его губ едва заметно дрогнули в улыбке.

Юй Пань сидел на корточках у стены перед двумя пёстрыми курицами, которых они купили несколько дней назад. Изначально птиц было три, но на малый Новый год одну зарезали для бульона. Оставшиеся две сейчас были загорожены бамбуковой плетёнкой у самого фундамента. Одна из них вытягивала шею, пытаясь клюнуть изгородь. Юноша, не отрывая взгляда от птицы, вдруг поднял руку и дважды стукнул костяшками пальцев по бамбуку.

Курица испуганно отпрянула, а на лице проказника появилась озорная улыбка от удавшейся шалости.

Услышав скрип двери, Юй Пань резко поднял голову. Увидев Шэнь Яньчжоу, он вскочил на ноги и быстро зажегстикулировал:

«Брат! Я только что вскипятил полный котёл воды! Кипяток!»

Шэнь Яньчжоу промолчал и в несколько шагов сократил расстояние между ними. Он приложил ладонь ко лбу младшего — температура была нормальной. Мягко помассировав виски юноши, он негромко спросил:

— Тебе всё ещё плохо? Голова не кружится?

Тот не стал уворачиваться, а когда старший убрал руку, даже ласково потёрся лбом о его ладонь.

«Не кружится, — показал он, качая головой. — Я проснулся и выпил много горячей воды, весь чайник опустошил»

— Хорошо, — кивнул Шэнь Яньчжоу.

Он снял запыхлённую куртку, повесил её на крюк в гостиной, привычно закатал рукава и направился на кухню.

Юй Пань последовал за ним. Он достал из шкафа грубую фаянсовую миску и насыпал в неё небольшую ложку соли — так полагалось собирать куриную кровь.

В канун Нового года резать курицу в дар богам было незыблемым правилом деревни Сишань, передававшимся из поколения в поколение. Шэнь Яньчжоу планировал сделать это ещё утром, перед уходом на смену, но когда он проснулся, Юй Пань в его объятиях был горячим, словно печь.

Стоило тогда коснуться его лба, как сердце мужчины болезненно сжалось. Градусник показал 38.7.

Юноша зимой часто страдал от простуд. С вечера он мог быть совершенно бодрым, а на рассвете уже метаться в жару. Поэтому жаропонижающие средства в их доме всегда были наготове.

Шэнь Яньчжоу уговорил его выпить лекарство, час за часом поил тёплой водой, и лишь когда жар спал, поспешил на фабрику. Перед уходом он заботливо подоткнул одеяло, велел пить побольше и только тогда ушёл.

Зимой темнело стремительно — не было ещё и пяти, а солнце уже скрылось. В деревне наступил самый оживлённый час. Большинство семей уже совершили обряды и теперь либо ужинали, либо всю суетились у печей, готовя праздничный стол. Возвращались те, кто был на заработках в городах: они сидели у порогов с жаровнями и болтали, дети носились с хлопушками, а собаки заливались лаем.

Шэнь Яньчжоу вышел из кухни с наточенным до блеска ножом. Юй Пань семенил следом, бережно неся миску.

Когда мужчина одной рукой прижал трепыхавшуюся птицу, а другой занёс клинок, его подопечный тут же подставил плоску под самую шею. Тёплая кровь хлынула в фаянс,

наполняя воздух густым запахом железа. Юноша держал миску очень ровно.

Он затаил дыхание, его ресницы дрогнули, он слегка отвернул лицо, но всё же не смог удержаться и покосился в чашу.

Шэнь Яньчжоу опустил тушку в горячую воду, чтобы было легче ощипать. Юй Пань присел рядом на низкую скамеечку, сжимая в руках щипчики. Тусклый свет из кухни падал на глинобитную землю двора, вытягивая их длинные тени. На этой тени их головы и ноги соприкасались.

Старший, не боясь обжечься, ловко сдирал крупные перья. Юноша щипчиками аккуратно удалял мелкий пух. Когда ему подалось особенно упрямое пёрышко, Шэнь Яньчжоу забрал инструмент и одним выверенным движением выдёргивал его.

Когда с делами во дворе было покончено, на деревню опустилась полная темнота.

Поставив выпотрошенную курицу томиться в котле, Шэнь Яньчжоу разжёл вторую конфорку. Он насыпал горсть рисовой муки, добавил воды и начал варить клейстер, необходимый для наклеивания праздничных надписей.

Юноша сидел перед топкой, заворожённо наблюдая за пляшущим пламенем. Он машинально помешивал угли тонкой веточкой. Искры с треском разлетались в стороны, освещая его лицо неровными всполохами. Снаружи гремело веселье, а внутри они вдвоём были погружены в свои хлопоты. Прошёл ещё один год.

Обеденный стол перенесли к стене прямо напротив входа, превратив его во временный алтарь. Курицу выложили в железную чашу, зажгли благовония. Пять пиал с клейким рисом, три чашки с чаем и пять с вином были расставлены в строгом порядке. С улицы донеслись первые разрывы петард.

Юй Пань взял кувшин и осторожно наполнил винные чарки до половины.

Шэнь Яньчжоу встал перед алтарём, сложил руки и, опустив глаза, негромко, но отчётливо произнёс:

— Папа, мама, с Новым годом. У нас в доме всё ладно, мы с Паньпанем в порядке. Сегодня приготовили курицу, сварили клейкий рис. Пожалуйста... поешьте.

Юноша стоял рядом и, повторяя жест брата, благоговейно закрыл глаза. Он не мог издать ни звука, поэтому лишь мысленно твердил раз за разом:

«Мы с братом... очень по вам скучаем»

В носу внезапно защекотало. Юй Пань с силой зажмурился, сдерживая подступившие слёзы.

Он вспомнил тот дождливый день, когда дядя Шэнь и тётя Шэнь привели его в этот дом. Когда дядя поднял его, грязного, из-под прохудившегося навеса, от мужчины пахло дождём и землёй. Вспомнил, как тётя тёплым полотенцем вытирала его лицо и с улыбкой говорила, какой он пригожий. И как Шэнь Яньчжоу принёс ему миску исходящей паром каши с бататом, сладкой, будто в неё не пожалели сахара. Это было самое вкусное из всего, что он когда-либо пробовал.

В комнате царила тишина, нарушаемая лишь едва слышным треском сгорающих палочек.

Спустя некоторое время Шэнь Яньчжоу открыл глаза. Он долил чай и вино, сжёг ритуальные деньги и зажёл петарды. Воздух мгновенно наполнился едким пороховым дымом, от которого запершило в горле. Юй Пань не выдержал и дважды чихнул.

Закрыв дверь, мужчина убрал курицу с алтаря, разделал её на куски, обжарил и быстро приготовил блюдо из овощей. Их новогодний ужин — горячее мясо, зелень и две миски риса — дымился на столе в гостиной.

Покончив с едой, они принялись за парные надписи. Шэнь Яньчжоу стоял на лестнице, а Юй Пань внизу помогал ему, следя, чтобы красные свитки с чёрными иероглифами легли идеально ровно.

После душа юноша подошёл к шкафу. За ужином Шэнь Яньчжоу обещал почитать с ним, и он специально хотел выбрать что-нибудь посложнее. Не успел он определиться, как из ванной вышел старший с конвертом в руках.

Глаза Паньпаня мгновенно вспыхнули. Он вытащил из-под кровати маленькую деревянную шкатулку и, скинув обувь, забрался на постель.

Эту вещицу сделала для него покойная тётя Шэнь, а кривой иероглиф «Пань» на крышке он вырезал сам. Откинув одеяло, юноша сел, скрестив ноги, с таким серьёзным видом, будто готовился к великому свершению. Сначала он высыпал все накопления из шкатулки на кровать, а затем осторожно извлёк купюры из конверта.

Он начал кропотливо распределять их: десятки в одну сторону, пятёрки в другую, двойки и юани — в третью, строго сортируя банкноты по новизне. Мелочь же отправилась в кошелёк — на соль и соевый соус.

Шэнь Яньчжоу присел на край кровати и молча наблюдал за этим процессом. Юноша дважды пересчитал пачку. Убедившись, что всё сходится, он едва не подпрыгнул от радости.

«Пятьсот! Ровно пятьсот юаней!» — он с восторгом жестикулировал, а потом даже уткнулся лицом в деньги.

— Грязные, — Шэнь Яньчжоу слегка ущипнул его за щёку. — Маленький скряга.

Юй Пань улыбнулся так, что глаза превратились в полумесяцы.

«Я и есть маленький скряга. Я впервые вижу столько денег. И это наши общие деньги»

Пятьсот юаней были для них целым состоянием. Глядя на его сияющее лицо, Шэнь Яньчжоу почувствовал, как в груди разливается щемящая нежность, смешанная с горечью. Он ласково взъерошил волосы младшего и произнёс:

— Паньпань, мне нужно тебе кое-что сказать.

Заметив перемену в его тоне, юноша тут же сложил купюры в шкатулку, не забыв аккуратно разгладить уголки, и придвинулся к мужчине. Он прислонился головой к плечу брата, внимательно глядя на него.

— Дядя Лю сегодня сказал мне, — начал Шэнь Яньчжоу, тщательно подбирая слова, — что фабрика открывает филиал в городе Байси. Им нужен опытный мастер для обучения учеников, и они хотят, чтобы я поехал. Я согласился.

Глаза Юй Паня расширились. Он судорожно вцепился в рукав старшего, его жесты стали отрывистыми:

«Ты меня здесь оставишь? Не возьмёшь с собой?»

— Конечно, возьму, — Шэнь Яньчжоу на мгновение замолк, желая спросить, согласен ли тот на переезд, но юноша шлёпнул его по руке и широко раскрыл глаза.

«Я обязательно поеду с тобой! Ты что, правда думал бросить меня тут?»

Не давая ему вставить ни слова, Паньпань продолжил:

«Брат, без тебя я очень быстро умру»

— Что за чепуха в такой праздник, — Шэнь Яньчжоу перехватил его пальцы и заставил трижды сплюнуть.

Младший послушно исполнил требуемое, после чего крепко обхватил руку мужчины, прижимаясь к нему всем телом. Его вид ясно говорил: «Куда ты, туда и я, и не надейся от меня отделаться».

Они сидели в тишине. Шэнь Яньчжоу опустил взгляд и увидел, как ресницы Юй Паня отбрасывают крошечную тень на его щёки.

— Паньпань, ты хочешь о чём-нибудь спросить?

Тот склонил голову набок, размышляя. Наконец, он нашёл вопрос:

«Город Байси — это далеко? Так же, как от нашей деревни до райцентра?»

— Да, весьма далеко, — подтвердил Шэнь Яньчжоу. — Говорят, на автобусе нужно ехать целых два дня.

Юй Пань сложил пальцы в жесте «о» и снова затих, задумчиво теребя край одежды брата. Он пытался осмыслить масштаб: от их деревни до ближайшего городка было полтора часа пешком. Что такое два дня пути в автобусе, он просто не мог себе вообразить. Он никогда не покидал родных мест и лишь чувствовал, что дорога предстоит невероятно долгая.

— Паньпань, тебе страшно? — совсем тихо спросил Шэнь Яньчжоу.

Юноша мгновенно выпрямился и решительно замотал головой. Он посмотрел прямо в глаза мужчине и отчётливо показал жест за жестом:

«Ты рядом, и я не боюсь»

Он сделал паузу и, словно желая придать своим словам ещё больше веса, повторил жест, ударив себя в грудь:

«Ты рядом, и я не боюсь. Я рядом, и ты тоже не бойся»

<http://bllate.org/book/15962/1663648>